

В. Валькова

РОССИЯ И РУССКИЕ

(историко-психологический очерк)

Я вполне отдаю себе отчет, что прикасаюсь к слишком сложной и деликатной теме. Вполне раскрыть ее можно, наверное, только в романе или в обширном специальном исследовании. Посвящать такой проблеме небольшую статью — в некотором роде научный авантюризм. Но да простит читатель мое нетерпение: не станет наше горячее время ждать, пока волнующие нас темы и идеи обрастают научным аппаратом, пробуются через неповоротливый механизм нашего книгоиздательского дела. Разговор о наболевшем нужен сейчас — пусть он будет торопливым и косноязычным, лишь бы способствовал всеобщей работе мысли, которая у нас началась..

Пожалуй, важнейшая, наиболее древняя и несомненно благородная черта русской культуры — склонность к морализированию. Великие нравственные идеи всегда вызывали в русской душе особый отклик. Русский человек на редкость восприимчив к "гипнозу" мировых идей. Ради них он всегда был готов на высокий подвиг, на полное самоотречение. В нем заложена склонность к некоему пророческому исступлению, в котором человек готов осколить собственную душу, порвать все свои родовые и культурные корни: это очищение через полное самоотрижение. Недаром так долго была любима на Руси легенда об Алексее божьем человеке, покидающем родной кров ради поиска истины и доживающем свой век неузнанным странником среди оплакивающих его родственников.

Эта черта проецируется и на всю историю нашей культуры. В ней периоды активного государственного строительства сочета-

лись со страстным отрицанием своего прошлого опыта. Так расставалась древняя Русь с языческими преданиями, корчевала остатки их в скоморошьей традиции, так строилась новая Россия в петровские времена, и повинуясь той же национальной закваске, уже в нашем столетии неистово бунтовала против всего своего "буржуазного" прошлого. И каждый раз такое самоотрицание культуры совершилось во имя великой нравственной идеи - так или иначе понимающего общего блага. Еще в 19-ом веке над этой особенностьютонко иронизировал А.К.Толстой в своей "Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева".

Русская культура в своей истории подобна птице Феникс - она сжигает себя и возрождается вновь и вновь. Самое изумительное, уникальное свойство нашего народа и нашей культуры - эта способность к возрождению, эта выживаемость среди невероятных катастроф, жесточайших бедствий, многие из которых мы усиливаем или создаем себе сами (с потрясающей трагической силой анализирует это А.Тарковский в "Андрее Рублеве").

Исторические корни такой национальной психологии разглядеть нетрудно. На них указывает, например, В.Ключевский: "...славянское население... по условиям своей исторической жизни и географической обстановки... распространялось на равнине не постепенно путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносились птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становится под действие новых условий..."¹⁾. Вот эта постоянная готовность строить жизнь "на пустом месте", "с нуля" и формировалась на многие столетия вперед русский национальный характер.

В первоначальном способе существования восточных славян - исток многих важнейших свойств русского духа. Тогда складывается привычка развивать свое хозяйство и культурные обычай рывками, от одной экстремальной ситуации к другой. Тогда формируется как национальная черта великая терпеливость, stoическое смирение перед любыми потерями и бедами. И позднейшие тяжелые условия государственной жизни закрепляют эти привычки.

Первые славянские поселенцы на русской равнине не могли вы-

1)

В.Ключевский. Курс русской истории. Т. I, М., 1911, с.24.

работать в себе само ощущение причастности к тысячелетнему культурному прошлому человечества. Это обстоятельство тоже анализирует В.Ключевский: "...восточные славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем не похожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи, германские племена... Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных им римлян... Восточные славяне, напротив, увидели себя на бескрайней равнине... в стране ненасижденной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий..."¹ И это тоже ослабляло в русском человеке инстинкт сохранения культурных традиций. Отсюда и неуверенность в себе, в своих национальных ресурсах, привычка (а то и прямая необходимость) оглядываться на опыт более предприимчивых и счастливых в своей истории иноzemцев - "варягов". В русском человеке вырабатывается своеобразный "комплекс Гостомысла".

Исключительно трудные обстоятельства формирования русского национального характера создали в нем безусловное превосходство духовно-нравственного начала над практическим - почтение к идеи и пренебрежение к форме. На что мог опереться русский человек, борясь за выживание своего рода среди неисчислимых напастей? С усилием создаваемые традиции постоянно подвергались разрушениям извне, не успевая окрепнуть, замыслы гибли, не успевая обрести законченную форму. Оставалось только одно: исконно присущее человеку неуничтожимое нравственное начало, самой природой заложенный инстинкт добродетели - безропотное подчинение своих личных интересов нуждам всеобщего блага. Этот инстинкт обретает форму в догматах христианства, но сохраняет свою изначальную неистовость, в сущности чуждую всякой форме. Стихийный порыв к истине, быстрое, полное и конечное завоевание ее для русской психологии гораздо естественнее, чем долгие, кропотливые и усердные ее поиски.

"Прыжок к концу противополагают русские люди историческому и культурному труду европейских людей, - писал Н.Бердяев. - От-

I) В.Ключевский. Курс русской истории, с.22.

сюда вражда к форме, к формальному началу в праве, государстве, нравственности, искусстве, философии, религии... Форма вносит меру, она сдерживает, ставит границы, устремляет к середине."¹ Русского человека, привыкшего развиваться рывками, склонного к крайним состояниям духа, эти границы стесняют. Мера и форма скучны и постылы ему.

Между тем эта черта – самый "больной" узел русской психологии, здесь ее подстерегает самая большая опасность. Ведь мера и форма – последовательная и кропотливая работа – составляют сущность самого понятия культуры (от латинского "возделывание", "образование", "развитие", "почтание"). И западноевропейское, и древнее восточное представление о культуре неоделимо от идеи бережного возделывания, планомерного накопления духовных богатств. Без почтения к форме нет культуры. В пренебрежении к форме, свойственном русскому духу – еще один исток периодического саморазрушения нашей культуры. Поэтому, как замечает Н.Бердяев, "русский душевный строй – самый трудный для творчества культуры, для исторической жизни народа. Народ с такой душой врядли может быть счастлив в своей истории".²

Бунт против культуры, освященный благородными целями – один из глубочайших инстинктов русского духа. Этот инстинкт всегда дремлет в русском человеке и время от времени дает яркие вспышки. Укоренившиеся в нас представления о гордой широте русского характера, ~~и~~ его бесшабашной удали и чудесной силе плохо сочетаются с образом скромного, старательного и вдумчивого труженика. Ежедневные, будничные усилия (опять-таки – мера, форма, середина) чуть ли не оскорбительны для русского человека. Он не склонен вкладываться в мелкие, кропотливые усилия – мол, вот как настанет для меня пора, тогда развернусь, покажу, на что способен. И показывает. Правда, слишком дорогой ценой – и для себя, и для окружающих. По такой схеме не раз развивались и события нашей истории. Об этой привычке ждать, когда нужда дойдет до крайности, давно сложены поговорки: "пока гром не грянет, мужик не перекреститься", "русский мужик задним умом крепок".

¹⁾ Н.Бердяев. Мироозерцание Достоевского. Париж, 1968, с.15.

²⁾ Н.Бердяев. Мироозерцание Достоевского. с.13.

В самом деле: не почувствует ли каждый из нас некоторое ущемление своей русской душевной широты, если от него потребуют, например: не перебегать улицу на красный свет светофора, даже если вблизи нет никакого транспорта (порядок есть порядок), выполнять просьбы и обещания сразу, без единого напоминания, приходить точно к назначенному сроку даже в гости к другу? Между тем, это элементарные требования к современному цивилизованному человеку, и знают об этом в общем-то все. Теперь мы, слава богу, стали понемногу понимать, что именно с этой всеобщей расхлябанности в мелочах начинается путь к таким катастрофам, как Чернобыль или гибель "Адмирала Нахимова". Выживаемость народа (да и человечества в целом) зависит теперь не от умения концентрировать усилия в экстремальных условиях, а от повседневной скрупулезной честности в своей работе — то есть от культуры. И бунт против культуры в наше время — это бунт против жизни (думаю, здесь нет ни малейшего преувеличения).

Наши отечественные традиции необходимо осмыслить именно в этом ключе. Нужно научиться видеть опасность (увы!) даже в самых священных и великих духовных подвигах наших предков — ведь сплошь и рядом они несли на себе отпечаток исконно русского бунта против культуры. Этот отпечаток особенно заметен в русской культуре XIX века. Она, как пишет Д.Сарабьянов, "... вся загружена, подчинена, она под властью как бы вышестоящих задач. Это уже национальная черта."¹ Д.Сарабьянов прекрасно анализирует истоки особого отношения русской демократической интеллигенции к культуре: последняя воспринималась как вина перед темным, забитым, бесправным русским народом, как узурпация его прав. Отсюда "опрощение", "хождение в народ" — то есть отказ от культуры как незаконно отнятой у народа ценности. Отсвет этого праведного и священного бунта лежит на деятельности многих великих представителей той эпохи: Чернышевского, Стасова, Перовы, Мусоргского, Гоголя, особенно Л.Н.Толстого... Тогда возникает у русских художников хорошо подготовленное национальными традициями стремление "наступать на горло собственной песне", не доверять своей художественной интуиции, подчинять творчество идеи "общего блага", "вышестоящим" социальным задачам (вплоть

¹. Д.Сарабьянов. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., Советский художник, 1980, с.30.

до отказа от самого творчества – "греховного" в своей основе). Эту черту Т.Манн называл "горделиво-смиренным самоумалением" русской литературы. Одним из первых среди великих писателей рубежа веков критически всматривается в опасные свойства русского духа А.П.Чехов. Герой его "Скучной истории" с едкой проницательностью и угрюмым раздражением говорит о догматически-резонерском, чуждом истинной духовной свободе характере русской литературы. А неизбытная тоска чеховских "Трех сестер" разве не настоена она на исконно русском отвращении к обыденному, повседневному труду, на неосуществимой мечте о "жизни иной", где свет истины распахивается сразу, в мгновенном и праздничном усилии духа?

На волне подобных настроений и идей совершились русские революции в 20 веке. "Чистка культуры", начавшаяся после 1917 года, подхватила традиции 19 века, развila их и придала им небывалый проповеднический пафос. Движение против старой буржуазной культуры, которую нужно было "разрушить до основания", уничтожить как плод эксплуататорского греха, таило в себе огромную опасность, и это понимали просвещенные руководители первого социалистического государства. Высказывания об этом В.И.Ленина, А.В.Луначарского, и других хорошо известны. Но, несмотря на их предостережения, поход против "буржуазной" культуры продолжался. Он принимал облик "проблемы галстука и белого воротничка", "борьбы с есенинщиной", приводил к осуждению лирического высказывания в искусстве (хотя именно лирическое, личностное начало – подлинный исток любого творчества). Кульминация этого движения пришлась на рубеж 20–30 годов. Об этом времени А.Гладков вспоминал: "мы в те годы приучались не верить себе – отсюда вскоре возникнет психоз "перестройки", который погубил не одну литературную судьбу. Призыв ударников в литературу уже зарождался в те годы, и уже висел лозунг "одемьянивания поэзии..."¹

... Казалось бы, что может быть общего между искренним, энтузиастическим и самоотверженным порывом к служению великим идеям и развернувшимся в 30–40 годы насквозь демагогическим, планомерным и циничным уничтожением культурных традиций и их носителей – с взрыванием храмов, преследованием творчества самых талантливых художников, самых передовых идей (вспомним генетику

¹ А.Гладков. Поздние вечера. М., Советский писатель, 1986, с.264.

и кибернетику - "продажных девок империализма"? Увы, связь самая тесная и непосредственная. Связь того же порядка, что отмеченная Т.Манном связь между возвышенной аполитичностью, "чистой" духовностью немецкой культуры и фашистской идеологией. Наш век, видимо, обладает дьявольской способностью выворачивать наизнанку добрые намерения, изобличать опасность крайностей духовной жизни. У русского и немецкого народов эти крайности противоположны, но само их наличие несомненно. Немцы и русские, если воспользоваться выражением Н.Бердяева, - "народы с апокалиптической идеей".¹

Как ни горько и больно это признавать, но именно благородная готовность русских к безоглядному служению идее создала ту почву, на которой стали процветать зло и насилие. В этом трагическая вина русской интелигенции и всего русского народа - вина, родившаяся из самых прекрасных побуждений.

Есть у нас и другие исторические "грехи", приведшие к тяжелым последствиям. Например, идея мирового мессианства русского духа. Эта идея возникла и оформилась в период интенсивной централизации русского государства в 15-16 веках. После падения Византии в 1453 году Россия оказалась единственным в мире процветающим православным государством, единственным оплотом "истинной веры". Идея преемственности римско-византийского величия стала активно использоваться московскими князьями для утверждения богоизбранности своей власти. Идея эта была нужна всему русскому государству для осознания себя как нерасторжимой целостности, для единения народных сил в один из самых ответственных моментов истории. Москва объявляется "третьим Римом" - столицей третьей (после Рима и Византии) "империи истины", единственного в мире оплота правды и справедливости. По словам В. Ключевского, необходимость противостоять "католической пропаганде" накладывала и обязанность нести миру "свет истинной веры".

Представление о мессианстве русской культуры необычайно глубоко укоренилось в русской психологии. Оно было, возможно, противовесом к более древней черте - неуверенности в себе. ("комплексу Гостомысла"). Обе черты вплоть до нашего времени причудливо и парадоксально сосуществуют в русском характере.

¹ См. Н.Бердяев. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 и начала 20 века. Париж, 1971.

Идея мессианства породила традиционную идеологическую подозрительность ко всему "не нашему", идущему "от них", с Запада. Эта подозрительность тоже сыграла роковую роль в нашем недавнем прошлом. Лишь заостренным продолжением, окарикатуренным преувеличением старых "добрых" традиций было насаждавшееся в 30-40 годы огульное отрицание всей современной зарубежной культуры, безжалостное обрубание живительных связей русской культуры с духовными поисками художников и мыслителей всего мира.

Почва для культурного изоляционизма тех лет была особенно прочно подготовлена предшествовавшим периодом – культурой XIX века. В романе К.Паустовского "Романтики" один из героев произносит обличительную речь против русской литературы XIX века. Речь эта настолько прочувствована, остроумна и убедительна, что порой кажется голосом самого автора. Творчество русских писателей прошлого века, оказывается – "...средство нажить мигрень!.. А шуму вокруг них на тысячи рублей! И профессорского гладенько-го шуму, и торжественного, и слезливого, и бахвального. Что Гейне, что Верхарн, что Гюго – соплей перешебем! От нас земляной дух, от нас навоз, Христос, справедливо~~есть~~. Мы покажем человечеству путь к истине. Мы – с колтуном в мозгах, с хулиганами, безграмотные лодыри, мы – мессия! Правда, блеснуло два-три. За них и выпью, за Лермонтова, Баратынского, Пушкина... Их убили, облизали, пригладили каждый волосок, подобрали все шерстинки с сюртука и не нарадуются на дорогих покойничков!.. На писателей мы смотрим, как на педагогов. Они нас учат, дурачков, и на том спасибо. У нас нет людей. У нас нет человека со страстью, смехом, просто пленительного человека. Мы все сидим по коробочкам. У нас, видите ли, дорогие товарищи, все эсдеки, эсеры, толстовцы, народники... Из действительно великих и гневных идей мы выкрикиваем свое – великую идею на русский лад и говорим о ней, говорим до тошноты, до того, что самим противно, до подлости. Вот страна грязи, тоски и варваров!"¹⁾

Эта цитата во многих отношениях очень характерна. В ней – язвительная и меткая наблюдательность и чисто русские крайности: тяга к пылкому раскаянию и самоотрицанию. Мыслящий русский

¹⁾ К.Паустовский. Собрание сочинений. Т. I, М., Худ.лит., 1981, с.63-64.

человек часто доходит в своей самокритике до крайнего предела. Этот предел – в реплике тургеневского Базарова: "русский человек только тем и хорош, что сам о себе прескверного мнения". Презрение к себе бывает очистительно и благотворно. Но оно таит всё ту же, знакомую нам опасность – бунт против культуры, против своих корней. Культура немыслима без уважения к себе, без гордости за свое прошлое. (В этом отношении весьма актуальна и благотворна идея книги Д.С.Лихачева "Заметки о русском", где автор говорит о светлых, достойных бережного сохранения традициях русского духа. В мои намерения ни в малейшей степени не входит полемизировать с положениями этой прекрасной книги. Они, на мой взгляд, бесспорны. Но у меня – напомню – другая цель: покаяние).

И не стыдливое подправление своей истории, а честный и мужественный взгляд в прошлое – на подвиги и трагические срывы – основа подлинной, здоровой национальной гордости. Те горькие истины, о которых мне приходится здесь писать, единственной целью своей имеют упрочить эту гордость, проведя ее через очистительные испытания сомнением и раскаянием.

Русское мировое мессианство по природе своей не было агрессивно направлено против других народов. Несмотря на завоевательные войны и творимые в них жестокости (которые – увы! – есть в истории почти любого народа), среди символов русского мессианства никогда не было разящего меча завоевателя. Для этого русский человек слишком верил в духовно-нравственную преобразующую силу самих идей и слишком был занят своими внутренними проблемами, среди которых – истребление крамолы в собственных рядах.

Еще одна, богатая последствиями, национальная черта – склонность к авторитарному тону и в то же время готовность ему подчиняться. Эта черта формируется в тот же период объединения Руси в I5–I6 веках. Необходимое тогда России сильное централизованное управление создавалось по образцу древних восточных деспотий. Верховная власть была абсолютной, непрекаемой, изощренно жестокой. Своебразие русского абсолютизма не только в его восточной ориентации (в отличие от западного абсолютизма, "ослабленного" республиканскими мдеями, унаследованными вместе с остатками римской культуры). Русская

монархия основывалась на идее вотчинности – как противоположности идеи государственности. Единство народа не в государственных установлениях, а в принадлежности единому вотчиннику – хозяину. Русский царь – не просто правитель, а собственик всех русских земель и их богатств. А вся Русь – его хозяйство, его дом, где он старший, "отец семейства" (отсюда чисто русское "царь-батюшка"). В русском человеке вырабатывается особое отношение к власти как к родительской опеке, требующей безусловного доверия и покорности. О живучести такого отношения к "высшим инстанциям" (замешанном на чисто восточном страхе и чисто русском "родственном" обожании) прекрасно писал А.К.Толстой в своей иронической балладе "Поток-богатырь". Герой ее засыпает богатырским сном на пиру у киевского князя и просыпается в разных столетиях. Побывав в эпохе первых "русских ханов" (так метко определяет Поток-богатырь сущность царской власти), он попадает в конец XIX века на какой-то революционно-народнический сход. Там все толкуют о "черном народе", что "править Русью призван".

"И подумал Поток: "Уж, господь борони,
Не проснулся ли слишком я рано?
Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
Обожали московского хана,
А сегодня велят мужика обожать!
Мне сдается, что эта потребность лежать
То пред тем, то пред этим на брюхе
На вчерашнем основана духе!"

Здесь в сатирической форме точно и беспощадно "припечатана", пожалуй, самая опасная черта русского национального характера. Это склонность к авторитарности суждений, к идеологическому диктату и свыше определяемому "единомыслию". За этим стоит все то же пренебрежение к культуре, духовная леность, желание избавиться от повседневной работы мысли. Гораздо легче жить по раз и навсегда заданной программе и шагать в ногу со всем народом.

Такие установки – тяжелейшее наследие нашего трудного исторического прошлого. Цепкость этого наследия и заставила нас с такой легкостью (хотя и не без протестов героического, уничтож-

женного впоследствии, меньшинства) отдать безраздельно всю власть в руки "любимого вождя", "отца родного".

Да и сейчас с наибольшим трудом нам даются именно идеи демократизации управления: ведь нам предстоит овладевать этими идеями практически впервые в отечественной истории. Русский народ слишком долго жил в условиях монархий, диктатур, ~~шунтизма~~ культа личности. Эти условия сильно деформировали его социальное сознание. Беспрецедентность нынешних задач, отсутствие солидного отечественного опыта в области демократии требуют от нас огромной концентрации усилий, подлинного творчества и терпения.

Нам нужно сначала как следует понять, что такое демократия, из чего она состоит и учиться применять ее заповеди на практике. Среди этих заповедей — терпимость и внимание к чужому мнению, способность подчиниться голосу большинства и в то же время (что очень важно) не отказаться от своей позиции и от "парламентских", "джентльменских" способов борьбы за нее. Демократия — это прежде всего конкуренция и борьба идей. Она требует ежедневной напряженной работы мысли и смелого риска. Демократия плохо сочетается с ленью и трусостью (к сожалению, оба эти качества мы в значительных дозах вынесли из предшествующего этапа нашей истории). На пути к овладению заповедями демократизма нам придется преодолевать не только пагубные тенденции "застойного периода", но и нечто гораздо большее: национальные традиции. Это необходимо осознавать: чтобы решить задачу, надо вполне отдавать себе отчет в ее сложности.

В накоплении ошибок, малых и больших грехов всегда наступает предел, за которым — или нравственное преображение или нравственная (а то и физическая) гибель. Этот вопрос сейчас приобретает глобальные масштабы — он стоит перед всем человечеством и перед каждым народом. Необходимо пересматривать многие формы мышления и черты психологии — даже если они освящены древними традициями.

В нынешней идеологической ситуации есть весьма обнадеживающие моменты. Еще никогда в истории русской культуры не возникало такого естественного совмещения беспощадно критического взгляда на свой прошлый опыт с жадным из ~~и~~ всеобщим интересом к родной культуре, с любовным и бережным возрождением своих корней. В этом сочетании — наше спасение. Сохранить и укрепить его,

не ударившись опять в опасные крайности — наша важнейшая задача. Надежду внушают и вечные, прекраснейшие национальные черты русского народа: совестливость и миролюбие, способность к возрождению и духовному преображению.
